

ЦЕННОСТЬ И ИСТИНА

Л.П. Шиповская, А.В. Гемонов DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12741

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ РУСИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИОАННА III (ВЕЛИКОГО) — ИОАННА IV (ГРОЗНОГО)

Аннотация. В статье реализована попытка философского анализа геральдической символики Руси периода правления Иоанна III и Иоанна IV. В качестве объекта философской интерпретации в статье представлены символы двуглавого орла, всадника (Георгия Победоносца) и единорога. Авторским видением рассматриваемого вопроса выступает тот факт, что авторы данной статьи считают, что именно семиотика позволяет выявить и проанализировать знаково-символические основания социальной жизни того времени, включающей с одной стороны разнообразные формы совместной практической деятельности индивидов, а с другой стороны, символические и знаковые формы их отражения. Исследование опирается на семиотический подход как эвристичный метод философской интерпретации геральдических атрибутов указанного фрагмента исторического прошлого. Стандартный семиотический анализ с определением означающего, означаемого и референта (по методологической схеме У. Эко) в данной статье дополняется использованием архетипической теории Юнга. Делаются вывод о том, что философская интерпретация геральдических символов позволяет утверждать об их значении как символическом средстве выражения самодержавного статуса царской власти, сначала «Великой», а затем «Грозной». Сложившиеся на тот момент государство со множеством присоединенных территорий нуждалось в сильной и авторитетной власти. И геральдические символы служили символическим средством поддержания и укрепления властного статуса самодержцев. Фактически, выступая знаково-символическим аспектом социальной жизни, геральдические изображения служили средством укрепления и поддержания самодержавного статуса царской власти, создавая вокруг правителей ореол славы, мудрости, героизма.

Ключевые слова: знак, семиотика, двуглавый орел, всадник, единорог, государственность, Иоанна IV (Грозный), символ, Русь, царь.

Символы княжеской и царской власти нашей страны традиционно изучаются в рамках исторических наук как атрибуты государственной власти, характерные для того или иного исторического периода. Но на наш взгляд, они являются интересной и малоизученной сферой философских исследований. Выступая символическим аспектом социальной жизни, геральдика представляет собой важную часть семиосферы наших предков, так как в ней в знаковой форме отражаются особенности отношения к миру представителей определенной исторической эпохи. Подобное мировоззренческое значение геральдической символики делает важным и актуальным ее анализ в рамках универсалистских концепций

и подходов мировоззренческого характера, составляющих философское знание.

Апелляция к философским методам в анализе геральдической символики в данной статье обусловлено тем, что они являют собой характерный пример символического элемента мировоззрения, выражающего отношение к миру наших предков, позволяющее глубже понять специфику и корни национального менталитета, проследить процесс генезиса определенных стихийно возникших представлений о социально-политическом устройстве, статусе государственной власти в обществе, роли государя в жизни народа, понятии социальной справедливости и т.д.

Среди множества философских подходов мы считаем наиболее эвристичным для решения по-

ставленной исследовательской задачи семиотической, наряду с юнгианским и социально-феноменологическим подходами.

Методологическую основу нашего исследования составит семиотическая схема, на которой отражены связи между означающим, означаемым и референтом¹.

При этом предметом семиотического анализа выступает связь между означающим и означаемым, то есть эффекты, порождаемые знаками и символами в сознании и поведении людей. Знаки сами по себе изучаются в рамках иного, семантического анализа. При этом, важно отметить, что связь между знаком и референтом может отсутствовать в силу ирреальности последнего. Так, например, единорог как геральдический символ, вызывает в сознании определенные образы и реакции, но не имеет за собой реального референта.

Рассматриваемые нами периоды правления Ивана Великого и Ивана Грозного составляют знаковый период в истории нашего Отечества в том плане, что время правления Ивана III — это время окончательного складывания государства, получившего название Россия, а время правления Ивана IV — это время, когда сформировалось Российское государство.

Отечественная история содержит целый ряд особых периодов, в которых происходил всплеск национального сознания и идентичности, что приводило не только к повышению уровня интеграции русского народа, но и вызывало глубинные перемены в системе общественных ценностей и идеалов, нередко влекло за собой смену национальной идеологии, а значит, и общего вектора национального развития.

Так, при Иване III к Московскому княжеству были присоединены Новгород, Ростов, Ярославль, Тверь и Вятская земля. Рядовое население этих земель, исключая Новгород, не оказывало серьезно-

го сопротивления московским князьям, да и большинство бояр охотно переходило на положение служилых людей. Служба московскому князю давала много выгод. Новгородцы же притязаниями Москвы оказывали упорное сопротивление. Ивану III лишь в 1478 г. удалось с применением силы присоединить Новгород к Москве.

Иван III сумел окончательно ликвидировать зависимость от татарского царя. Он вступил в союз с крымским ханом — противником Золотой орды и прекратил платить «выход» ордынцам. Царь Ахмат попытался вернуть Московское княжество под свое господство, но это ему не удалось. После «великого стояния» на берегах реки Угры, притока Оки, в 1480 г. татары отступили от русских границ. Орда утратила свою власть над Русью и, в свою очередь, с 1503 г. стала платить дань московскому князю.

Иван III сочетался браком с принцессой Софьей Палеолог — племянницей последнего византийского императора, что также способствовало возрастанию авторитета и власти великого московского князя: он как бы становился преемником Византии. С падением в 1453 г. Византийской империи в создании русского народа укрепляется идея о том, что Русь является хранительницей истинной, православной веры, а Москва — прямая наследница Византии, Третий Рим. После женитьбы царя в Московском Кремле строго стал соблюдаться церемониал по образцам византийского двора. Русь должна была воспроизвести и византийские политические образцы. Политический строй Византии отличался от западноевропейского. Власть императоров носила почти неограниченный характер. Отношения главы государства с представителями высших сословий строились на основе не знатности их происхождения, а личных заслуг. Поэтому русское государство складывалось как уникальная политическая структура, сочетавшая в себе как русские традиции, так и заимствования из византийской и татарской моделей государственного устройства.

Иван III делает первые шаги к унификации управления единой российской державой. В 1497 г. он принимает Судебник, документ, раскрывающий сущность экономического и социально-политического состояния Московского государства в это время. Управление страной осуществляется теперь из одного центра, единые законы действуют на всей территории России, в подвластные в Москве города назначаются наместниками. Вводится единая денежная система.

¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с. С. 153.

Иван III возвышается над своими подданными, что проявилось в символическом виде в геральдических изображениях того времени. На печатях московского государя появляется византийский герб — двуглавый орел, который комбинируется с прежним московским гербом — изображением Георгия Победоносца. Проинтерпретируем несколько геральдических символов времени правления Ивана великого.

Рисунок 1. Изображение двуглавого орла на печати Ивана III (прорись Силаева А.Г.)

На данном изображении представлен двуглавый орел с двумя коронами, который еще не скомбинирован с изображением Георгия Победоносца.

Если применить схему семиотического анализа У.Эко, то означаемым будет изображение орла, означаемым будут служить те смыслы, которыми наделяет данное изображение человек, его визуально воспринимающий, и на основании чего формирует особое отношение к носителям данного символа. Что касается референта, то это орел как часть природной действительности. Но необходимо признать, что «перекочевав» на геральдическое изображение орел приобрел фантастические черты, прежде всего еще одну голову. Такое преобразование, на наш взгляд, было сделано с целью усиления символического аспекта. Иными словами, орел как часть реальности, орел как часть субъективного мира индивида, воспринимающего анализируемое геральдическое изображение орла, не является простым отображением орла как части объективной действительности.

Иными словами, на представленных геральдических изображениях герб является символом или означаемым, референтом в данном случае является орел как элемент объективной действительности, который воспроизведен на гербе в схематической форме, означаемым выступают те представления, мысли, возникающие в сознании человека, видящего данный герб. Если рассматривать изображение в качестве знака, то означаемое сведется к мыслям, возникающим в сознании

воспринимающего данный визуальный образ. Но данный визуальный образ представляет собой не просто знак орла, а знак, скрывающий глубинный геральдический смысл, и именно эта смысловая наполненность данного образа позволяет отнести его к разряду символов.

По мнению А.Г.Силаева, символический образ орла был характерен для нашей страны и ранее². Так, орлиные изображения применялись как в народных узорах, так и на княжеских плащах и щитах Ярослава, Бориса и Глеба. В мифическом мировоззрении славян орел был символом Перуна, он выступал защитником князя и княжеской дружины еще с дохристианского периода истории нашей страны. Помимо использования на гербах, двуглавый орел служил нумизматическим изображением у монголов (монеты хана Джанибека в сер. XV в.) и у тверского князя Михаила Борисовича в 70-х гг. XV в.

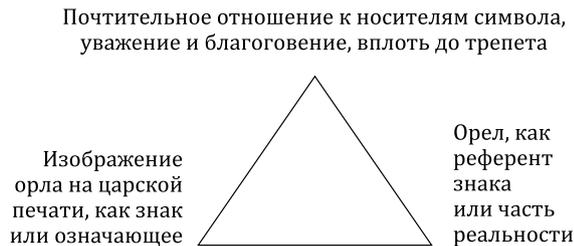
Если обратиться к символическому значению орла в контексте мировой культуры, то он с глубокой древности служил образом царствования и главенства, так как в мире птиц орел занимает верховенствующее положение. Орел в мифологическом синкретичном сознании как птица, летающая выше остальных пернатых существ и наиболее приближенная к источнику тепла и жизни на земле, был связан непосредственно с Солнцем. Вследствие этого, орел для наших предков символизировал божьего посланника, посредника, связующего два мира — людей и богов. Так, в древнегреческой мифологии орел являлся одним из олицетворений верховного бога Зевса. Орел использовался и в военно-государственной символике экспансионистского Рима. С отходом от мифологических представлений, орел у большинства народов сохранился в качестве символического образа мудрости, храбрости, высокой нравственности и силы. Помимо данного значения, орел, вооруженный острыми когтями, является символом борьбы с несправедливостью и с врагами.

Таким образом, использование орла в качестве геральдической символики правителями Руси можно расценить как стремление продемонстрировать в знаково-символической форме законность претензий на власть, диктата воли и силу государственного принуждения. Визуальное восприятие данного символа на геральдических знаках должно

² Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 240 с. С. 61.

было формировать у народа соответствующее почитительное отношение к власти в столь нестабильный период истории нашей страны.

Конкретизируем представленную выше схему.

Помимо семиотического подхода при рассмотрении символа орла вполне применим, по нашему мнению, и психоаналитический подход, согласно которому влияние символов осуществляется на уровне не сознания, а на уровне коллективного бессознательного. Орел в данном случае выступает архетипическим образом, означающим, согласно В.П. Самохвалову, «восприятие и внимание, «орлиный глаз», сознательность, высокий полёт ума и духа, мужской дух энтузиазма, доминирование»³.

Иными словами, геральдическое изображение орла при подобном его рассмотрении оказывает воздействие на глубинные бессознательные слои психики людей, его воспринимающих, вследствие чего формируется соответствующее отношение к носителям данного символа.

Рисунок 2. Двуглавый орел на чертеже Москвы (1599 г.)

На данном изображении к орлу добавляется Георгий Победоносец. Изображение Святого Георгия указывает на значимость для наших предков религиозной веры, проявляющейся в том числе и в

вере в святых защитников и покровителей, способных прийти на помощь в трудные минуты жизни не просто отдельных людей, а целых городов.

Православная вера служила для древнерусского общества духовным ориентиром, указывающим на необходимость преобразования, самосовершенствования, приближения к христианским идеалам. Итогом христианизации Руси стало привнесение в древнерусскую культуру интуитивизма и мистицизма восточной патристики и монашества.⁴ По мнению Жигуновой, роль византийского христианства проявилась в том, что оно стало духовно-идеологическим базисом интеграции членов древнерусского социума⁵. В результате данного процесса образовался единый народ, объединенный общими нравственными и духовными принципами, взятыми из византийского богословия и единой верой в христианские мифы.

Однако христианство на Руси было воспринято не в первоначальном виде, а вошло в отечественную культуру и менталитет, соединившись причудливым образом с народными языческими обычаями и верованиями. Данное обстоятельство проявлялось прежде всего в том, что древнерусское «общество восприняло христианские ориентиры, но общественное сознание не было поглощено религией»⁶.

XI век — это время первичного формирования русского народа как единой этнокультурной общности и русской народности как, с одной стороны, комплекса духовных и мировоззренческих принципов, определяющих жизнь, быт и сознание членов данной общности, а с другой — совокупности особых уникальных параметров (ментальность, культура, народные архетипы), отличающих данный народ от других.

Еще древние славяне строили отношения в социуме на принципах общности и коллективизма. С принятием христианства принцип общности был усилен и преобразовался в соборность, то есть особую форму солидарности на основе единой православной веры. Характер русского человека на протяжении многих веков определяла неразрывная связь с крестьянской общиной. Именно поэтому, коллективизм, на наш взгляд, является неотъемлемой частью русской ментальности.

³ Самохвалов В.П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. Симферополь: СОНАТ, 1999. С. 175.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 54.

Общинность, заложенная в менталитет русского народа, стала плодородной почвой для принятия идеалов социализма в XX веке и серьезным препятствием на пути формирования индивидуалистического характера, соответствующего современным реалиям нашего общества. Принцип общинности проявлялся и в вечевом управлении, при котором господствовали традиционализм и опора на многовековые обычаи.

Однако, данная общинность не распространялась на всю территорию, занимаемую русичами: чувство идентификации охватывало ближайших соплеменников, чаще всего членов одного княжества. Это привело в конечном счёте к феодальной раздробленности и как следствие значительному ослаблению русского народа, который не смог справиться с давлением монголо-татар.

Таким образом, следующей вехой в развитии национального самосознания стал XIII век — время встречи русского народа с монголо-татарами и тяжелейших испытаний, вызванных как монголо-татарским игом, так и военными стычками с шведами и германцами. Можно согласиться с Жигуновой в том, что новый подъем национального самосознания вызвала Куликовская битва (1380 г.) в XIV-XV веках. Это было связано с возрождением русской средневековой культуры после ликвидации монголо-татарского ига на Руси⁷.

Указанный период характеризуется обоснованием идеи единства Российского государства во главе с его центром — Москвой. Эта идея получила название «Москва — Третий Рим», которая впервые была сформулирована в двух посланиях конца 1523 года — начала 1524 иноком Филофеем. Данная идея, состояла в том, что, во-первых, Московское княжество является наследником Рима и Византии, а значит, мировым оплотом христианства как истинной религиозной веры. Согласно данной концепции, Московии принадлежит мессианская роль в мировой истории. Во-вторых, московские князья, начиная с Ивана III, считались наследниками римских и византийских правителей⁸.

Подобное отношение к Руси было характерным не только для концепции Филофея в XVI веке,

но и много позже в XIX столетии — в учении славянофилов. Славянофилы в процессе осмысления русской национальной самобытности испытали влияние воззрений о мессианской роли России и православия в мировой истории, оформившихся в данный период в Московском государстве (идея «Москва — Третий Рим»). В этой связи можно утверждать, что славянофильство явилось выражением вековых традиций русского народа.

Мировое назначение России в концепции славянофилов представляется более значимым по сравнению с ролью западных стран в развитии мирового сообщества и мировой культуры. Назначение русского народа состоит в том, чтобы усвоить и реализовать весь положительный запас культуры других, более зрелых народов. Мы считаем, что динамику мировой культуры можно представить виде постоянно наполняемого сосуда. При этом, каждый последующий вклад, совершаемый тем или иным народом не означает полного отрицания предыдущих достижений. Наоборот, по мере своего развития имеющийся культурный запас постоянно совершенствуется, обновляется, становится все более полным и разносторонним. С этой точки зрения, русская культура, воспринявшая должным образом, достижения других народов, обладает огромным потенциалом в деле духовного обновления и совершенствования мира.

Святой Георгий как покровитель и защитник символизировал неприступность Родины для врагов-чужеземцев, он выступал гарантом защищенности и безопасности для наших предков. Кроме того, Георгий, приняв мученическую смерть ради христианства как подлинной веры, символизировал религиозное подвижничество, упование на чудесное спасение от страданий посредством истинной веры. В самом широком смысле Георгий Победоносец символизирует победу добра над злом, представления о которых были характерны для мировоззрения русичей еще с языческих времен. Достаточно обратиться к народному фольклору и можно увидеть, что добро в итоге всегда побеждает зло, и угнетенные и обиженные становятся свободными и счастливыми благодаря вмешательству героя. Святой Георгий является геральдическим воплощением образа героя, который согласно юнгианской концепции представляет один из важных архетипов коллективного бессознательного.

Герой как архетип являет собой активное начало личности, стремление к преобразованию мира, к деятельности, к утверждению жизни. Так, располо-

⁷ Жигунова Г.В. Национальное самосознание русского народа в философии славянофильства // Вестник МГТУ. 2006. Том 9. № 1. С. 54.

⁸ Зеньковский В.В. История русской философии / Сост. А.В. Поляков. (Философское наследие России). Т. I. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 280 с. С. 47–48.

жение образа героя на княжеских геральдических эмблемах выполняло ту же функцию, что и размещение образа всадника: сформировать и поддерживать на уровне коллективного бессознательного уверенность в безопасности и самосохранении.

Рисунок 3. Изображение на печати Ивана III (XV век)

Лев как геральдический символ означает великодушие, мудрость и силу, стойкость, справедливость, закон, военную мощь. В христианском религиозном сознании символика льва отличается двойственностью:

1. Лев символизирует мощь и силу Иисуса, его властный статус как Царя Иудейского,

2. Также лев означает мессианскую сущность Христа, который спасает верующих от сатаны.

В то время бытовало представление о том, что лев спит, не закрывая глаз. В силу этого он означает духовную крепость и бдительность. Лев, будто неусыпный часовой, сохраняет церковные порядки и христианскую мораль. Помимо этого, люди в то время считали, что львята рождаются мертвыми, и жизнь вдыхается в них родителем, поэтому лев является символом воскресения. Будучи зверем-одиночкой, лев символизировал отшельничество и одиночество.

Иван IV практически начинает править в 1547 г., после венчания на царство и принятия титула «царь» (позже появится прозвище «Грозный»). Его задачей становится укрепление самодержавной власти. В этом ему способствовали идеологи-публицисты XVI столетия. И.С. Пересветов советовал ему установить в стране деспотическую власть, как и в Турции. С другой стороны, идеолог бояр князь А.М. Курбский был сторонником коллегиального, соборного управления Россией. Иван IV выбрал первое, что соответствовало его характеру. Путь Ивана к деспотизму не был простым. В начале правления царь пытается реформировать Россию, представив свое правление как выражение общественных интересов.

Он создает так называемую «Избранную раду», в которую входили его сторонники, в част-

ности митрополит Макарий, духовник Сильвестер и дворянин Алексей Адашев. «Избранная рада» подготовила ряд документов государственного значения. Среди них были Судебник 1550 г. и официальный справочник для местнических споров — Государев разряд. Была также написана Степенная книга — официальная история России, с центральной идеей о правах московских царей на вотчины князей времен Киевской Руси. И в завершение — летописный свод, в составлении которого принимал участие сам Иван Грозный.

Геральдические изображения Ивана Грозного мы склонны рассматривать как символическое проявление его властного статуса царя-самодержца.

Если обратить внимание на лицевую сторону печати Ивана IV Грозного с изображением двуглавого орла, то можно сделать выводы, схожие с представленными нами выше по поводу аналогичного геральдического изображения Иоанна Великого.

Двуглавый орел символизирует царскую власть, носитель данного знака возвышается над всеми другими, как орел возвышается над остальными птицами, летая выше всех к Солнцу и к Богу. Также, орел олицетворяет мудрость, смелость, высокую нравственность. Когти означают то, что носитель данного знака постоянно готов к борьбе с несправедливостью и врагами.

Интересной нам представляется оборотная сторона печати Ивана IV Грозного, на которой изображен единорог.

Учитывая геральдическую равнозначность льва и единорога, мы вправе предположить подобное же символическое толкование и для единорога, но это не главное в этой фигуре. И уж точно не этой мыслью руководствовался Грозный Царь, ког-

да делал фигуру индрика главным символом Руси; Иоанн Васильевич должен был вкладывать в фигуру единорога то понятие, которое должно было быть абсолютно прозрачным для его современников, то понятие, которое столь ясно высвечивается в символике вышеупомянутого знамени. Иными словами, Грозный Царь должен был опираться на русскую и, шире, славянскую традицию почитания этого не только символического образа-зверя. Здесь нам необходимо учитывать и особое отношение средневекового человека к символике вообще.

Христианин Средних веков считал, что не человек наделяет вещи символическим содержанием. Символ задан человеку Свыше и задача познающего субъекта сводится к раскрытию его истинного значения. Символ был не субъективен, но принципиально объективен. Путь к познанию мира как материализации творческого акта Господа лежал через познание сокровенного смысла символов. Символизм Средних веков был особым средством интеллектуального освоения универсума.

Исходя из этого, мы должны проследить за раскрытием символического смысла образа единорога в русской религиозной традиции. Единорог славянского фольклора соотносим с античным образом этого таинственного животного. Он описывался следующим образом: копытное животное, быстрое,

сильное, неуловимое, обладающее поистине человеческим разумом, имеющее необыкновенную окраску и один витой рог на лбу. Представление об этом звере опиралось и на Священные тексты Ветхого Завета (Чис. 23,22; 24,8; Иов. 39,9-12; Пс. 21,22; 28,6). Однако библейские тексты не дают внешнего описания единорога, что и не так уж важно сейчас для нас, но точно указывают на его особые качества. Существенные для символического раскрытия геральдического образа Грозного Царя. В Библии единорог неукротим, силен и быстр⁹.

В истории любого народа подъемы национального самосознания приходятся на кризисные, переломные этапы его существования, что говорит об интегрирующем значении национальной идентичности, национального сознания, народности.

Таким образом, осуществленная философская интерпретация геральдических символов позволяет утверждать об их значении как символическом средстве выражения самодержавного статуса царской власти, сначала «Великой», а затем «Грозной». Сложившиеся на тот момент государство со множеством присоединенных территорий нуждалось в сильной и авторитетной власти. И геральдические символы служили символическим средством поддержания и укрепления властного статуса самодержцев.

Список литературы:

1. Белецкий С.Д. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 431–463.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Жигунова Г.В. Национальное самосознание русского народа в философии славянофильства // Вестник МГТУ. 2006. Том 9. № 1. С. 53.
4. Зеньковский В.В. История русской философии / Сост. А.В. Поляков. (Философское наследие России). Т. I. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 280 с. С. 47–48.
5. Иванов М.К. Образ всадника в искусстве: иконографический архетип. С. 32. (<http://www.ibif.org.ru/articles/nachalo01/01-03.pdf>).
6. Кожин В. Грех и святость русской истории. М.: Эксмо, Яуза, 2006. 480 с.
7. Самохвалов В.П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. Симферополь: СОНАТ, 1999.
8. Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 240 с.
9. Чумакова Т.В. Образ человека в культуре Древней Руси: опыт философско-антропологического анализа: дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2002.
10. Шиповская Л.П., Гемонов А.В. Феноменология русской геральдики IX–XIV веков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. М., 2013. С. 41–51.
11. Шиповская Л.П., Гемонов А.В. Философская интерпретация геральдических символов домонгольской Руси // Политика и общество. М., 2013. С. 1429–1452.
12. Шиповская Л.П., Гемонов А.В. Философская интерпретация геральдических символов Руси периода монголо-татарского ига. М., 2013. С. 1707–1718.
13. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение 2003. Том 3. № 2. С. 2–34.

⁹ Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 240 с. С. 137.

14. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
15. Ottfried Neubecker Heraldry: Sources, Symbols and Meaning. Tiger Books International (1997). 288 pages.
16. Schütz Alfred Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego» // Philosophy and Phenomenological Research. March, 1942. С. 323-347.
17. Shipovskaya L.P., Gemonov A.V. Phänomenologie des russischen Heraldik IX-XIV Jahrhundert. Science and education. P. 284–293.
18. «The quest for meaning». University of Toronto Press Incorporated, 2007, Toronto Buf-folo London. С. 153.

References (transliteration):

1. Beletskii S.D. Drevneishaya geral'dika Rusi // Povest' vremennykh let. SPb.: Vita Nova, 2012. S. 431–463.
2. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
3. Zhigunova G.V. Natsional'noe samosoznanie russkogo naroda v filosofii slavyanofil'stva // Vestnik MGTU. 2006. T. 9. № 1. S. 53.
4. Zen'kovskii V.V. Istoriya russkoi filosofii / Sost. A.V. Polyakov. (Filosofskoe nasledie Rossii). T. I. Ch. 1. L.: Ego, 1991. 280 s. S. 47–48.
5. Ivanov M.K. Obraz vsadnika v iskusstve: ikonograficheskii arkhetyip. S. 32. (<http://www.ibif.org.ru/articles/nachalo01/01-03.pdf>).
6. Kozhinov V. Grekh i svyatost' russkoi istorii. M.: Eksmo, Yauza, 2006. 480 s.
7. Samokhvalov V.P. Psikhooanaliticheskii slovar' i rabota s simbolami snovidenii i fantazii. Simferopol': SONAT, 1999.
8. Silaev A.G. Istoki russkoi geral'diki. M.: FAIR-PRESS, 2003. 240 s.
9. Chumakova T.V. Obraz cheloveka v kul'ture Drevnei Rusi: opyt filosofsko-antropologicheskogo analiza: diss. ... kand. filos. nauk. SPb., 2002.
10. Shipovskaya L.P., Gemonov A.V. Fenomenologiya russkoi geral'diki IX-XIV vekov // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. M., 2013. S. 41–51.
11. Shipovskaya L.P., Gemonov A.V. Filosofskaya interpretatsiya geral'dicheskikh simbolov domongol'skoi Rusi. Politika i obshchestvo. M., 2013. S. 1429–1452.
12. Shipovskaya L.P., Gemonov A.V. Filosofskaya interpretatsiya geral'dicheskikh simbolov Rusi perioda mongolo-tatarskogo iga. M., 2013. S. 1707–1718.
13. Shyuts A. O mnozhestvennosti real'nostei // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2003. Tom 3. № 2. S. 2–34.
14. Yung K.G. Dusha i mif: shest' arkhetyipov / Per. s angl. K.: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva, 1996. 384 s.
15. Ottfried Neubecker Heraldry: Sources, Symbols and Meaning. Tiger Books International (1997). 288 pages.
16. Schütz Alfred Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego» // Philosophy and Phenomenological Research. March, 1942. S. 323–347.
17. Shipovskaya L.P., Gemonov A.V. Phänomenologie des russischen Heraldik IX-XIV Jahrhundert. Science and education. P. 284–293.
18. «The quest for meaning». University of Toronto Press Incorporated, 2007, Toronto Buf-folo London. S. 153.